

Как раз когда Хила собрался толкнуть дверь, сбоку протянулась бледная рука и преградила ему путь. Мужчина в одеянии мага с мягкой, но настойчивой улыбкой произнёс:

— Прошу прощения, вы ошиблись дверью.

Хила сверился с номером на табличке и понял, что принял семёрку за единицу. Он нахмурился: неужели он так разнервничался? Невольно вспомнился тот поцелуй.

— Простите, он ошибся, — Тан Юань, заметив, что Хила застыл в замешательстве, с досадой покачал головой и объяснил магу ситуацию.

Тан Юань всю дорогу тащил Хилу в их номер. Едва переступив порог, он прижал его к дверному полотну. Раздался глухой стук — Хила поморщился, когда лопатки болезненно ударились о дерево.

— Ты ошибся только что из-за меня? — Тан Юань подался вперёд, положил подбородок на плечо ангела, прикрыв глаза, чтобы скрыть затаённую в них тьму, и с улыбкой спросил.

— Да, — честно ответил Хила. В конце концов, скрывать было нечего.

— Почему? Ты сам меня поцеловал, я был так удивлён... Я всегда помнил Хилу застенчивым ангелом, который краснел до кончиков волос, стоило ему лишь коснуться губами яичной скорлупы, — Тан Юань игриво лизнул его в шею и насмешливо добавил.

Хила вздрогнул от столь дерзкого жеста. Никогда прежде не испытывавший подобного, он инстинктивно попытался отстраниться.

Тан Юань, словно почувствовав его намерение, слегка прикусил кожу на его шее и, будто в шутку, пригрозил:

— Не отталкивай меня. Такие движения делают мне очень больно, Хила. А когда мне больно, я теряю контроль, и последствия могут быть весьма печальными...

Хила замер, опустив руки, которыми собирался его оттолкнуть. Его холодный голос сейчас звучал непривычно резко:

— Я не нарочно, просто... непривычно. — Он никогда не хотел причинять ему боль.

— Ты мне очень дорог, Хила, поэтому, пожалуйста, не отвергай моих попыток сблизиться. Даже подсознательные движения ранят меня... Это заставляет думать, что ты, как и все остальные, боишься меня, презираешь, — Тан Юань сделал паузу, и пока уголки его губ тянулись вверх в зловещей усмешке, он впился в Хилу тяжёлым взглядом, произнося каждое слово с явной неприязнью и злобой:

— Заставляешь меня считать себя монстром.

— Без разбора времени, места и объекта извергать злобу, от которой перехватывает дыхание.

— Не заботиться ни о ком, не считаться ни с чем, и ради одной своей прихоти совершать то, что для других кажется ужасным.

— Казалось... с самого рождения я только и делал, что сеял катастрофы. Казалось... я вечно несу лишь разрушение...

— Нет! — Хила резко оборвал его. Голос ангела дрогнул, дыхание участилось. Он нежно посмотрел на него и твёрдо, слово за словом, произнёс:

— В моём сердце ты не такой.

— Ты не монстр. По крайней мере, для меня.

— Даже если ты говоришь жестокие слова, ты пощадил своего брата. Даже когда ты делал вид, что хочешь меня убить, ты пронзил лишь моё плечо. В моих глазах ты просто глупец, который говорит одно, а думает другое.

— Даже если ты совершил нечто непростительное, мне всё равно. Я приму всё, что бы ты ни сделал.

— Раз уж я тот, кто тебе дорог, то если я принимаю тебя, всё остальное не имеет значения, верно?

Его голос, обычно столь отстранённый, сейчас звучал с такой нежностью, что не поверить ему было невозможно.

Тан Юань медленно прислонился головой к его плечу и глухо пробормотал:

— Правда, я так тронут, что слёзы вот-вот потекут.

В тени, где никто не мог видеть, глаза Тан Юаня наполнились влагой. Он до крови закусил губу, словно преодолевая невыносимую боль, а затем беззвучно растянул рот в искажённой улыбке.

Кажется, он стал мне ещё дороже. Так хочется его съесть, но... жалко.

Ведь если я его съем, его больше не будет.

Тан Юань быстро коснулся губами губ Хилы и, не дожидаясь реакции, бросил:

— Будем считать это равноценным обменом.

Съесть нельзя, но попробовать на вкус — всегда пожалуйста.

Хила молчал. Он не знал, стоит ли смущаться или восхититься наглостью Тан Юаня.

Этой ночью всё прошло спокойно, они спали крепко.

На следующее утро, когда они проснулись, улицы уже кишели людьми, повсюду сновали повозки. Торговцы громко расхваливали свои товары. Глаза разбегались от изобилия — прозвище Помпелли, Рай для торговцев, оправдывало себя на все сто.

Тан Юань, начисто лишённый подобающих королю манер, безо всякого стеснения потянулся и зевнул. Глядя на ангела, который, казалось, уже давно стоял у окна, он лениво спросил:

— Тебе нравится такая суета?

— Нет, я просто вспомнил, что города, которые я разрушил, выглядели точно так же, — Хила ответил, не обращая внимания на то, насколько жестоко это прозвучало.

Тан Юань с досадой покачал головой:

— Ты и правда, как товар без гарантии — ни мировоззрения, ни ценностей, ни жизненных принципов.

— Что значит без гарантии? — переспросил Хила, никогда не слышавший такого выражения.

— Ну, нет мировоззрения, нет ценностей, нет жизненных ориентиров... Хотя для ангела это звучит странно, — Тан Юань скривился.

Он поправил одежду и с бесстыдным видом обратился к Хиле:

— Иди сюда, помоги мне одеться.

Хила стоял неподвижно, погружённый в глубокие раздумья: чем ближе они становятся, тем больше поражает безграничность наглости этого парня.

— Дорогой, ты меня больше не любишь? — Тан Юань, видя, что Хила не реагирует, начал кататься по кровати, изображая обиду и причитая.

Хила вздохнул. Опять он за своё?

— Скажи, хоть один день ты можешь вести себя нормально?

Тан Юань махнул рукой, не придавая этому значения:

— Как такое возможно? Моя болезнь — часть моей жизни. Если я хоть день не буду чудить, мне станет не по себе. К тому же, я сдерживаюсь и не показываю это при других, так что я берегу твою репутацию.

— Это твоя репутация, — поправил его Хила.

Тан Юань широко распахнул глаза:

— Дорогой, куда делись те вчерашние признания? А та чудесная ночь? Как ты можешь так быстро откеститься от меня, бессердечный ты человек!

Хила поймал себя на мысли, что хочет сказать: Тебе нужно принять лекарство! Но многовековая привычка сохранять невозмутимое лицо вовремя остановила его. Он с трудом произнёс:

— Вчера мы просто спали.

— Ах... — Тан Юань с укором посмотрел на него. — Ты такой неромантичный...

Хила молчал. Что вообще такое эта романтика?

— Разве мои действия не милые? — Тан Юань снова перекатился по кровати и с восторгом посмотрел на него.

— Что значит милые? — озадаченно спросил Хила.

— Наверное, что-то вроде привлекательные, — сам Тан Юань не был до конца уверен.

Хила смотрел, как Его Величество Тан Юань катается по постели. Его ночная рубашка сбилась, обнажая болезненно бледную кожу, чёрные волосы разметались по подушке, образуя причудливые узоры. Яркие губы, слегка прищуренные глаза... Хила, вопреки своим мыслям, едва заметно кивнул.

Тан Юань тут же расцвёл в радостной улыбке, став ещё краше, и прошептал:

— Я знал, что в глазах влюблённого даже чёрт покажется красавцем.

Спустя некоторое время Тан Юань, всё ещё не желавший вставать, снова капризно позвал:

— Иди же, помоги мне одеться!

— Хорошо, — на этот раз Хила согласился, лишь бы Тан Юань перестал выкидывать фортели.

Глядя на довольную улыбку Тан Юаня, Хила тоже слегка улыбнулся. Главное, чтобы ты был счастлив.